

Янина Могвич

A romantic couple, a man and a woman, are shown in profile, about to kiss. The man is on the left, wearing a blue sweater, and the woman is on the right, wearing a light blue top. They are positioned against a background of a city skyline at sunset or sunrise, with a large, stylized cloud formation above them. The overall mood is romantic and intimate.

НЕБО
ВЫШЕ ОБЛАКОВ

БОЛЕЕ 1 000 000 ПРОЧТЕНИЙ

Янина Логвин
Небо выше облаков
Серия «Логвин: лучшие книги»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704887
Небо выше облаков: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-122356-4

Аннотация

В жизни врача-хирурга Андрея Шибужева есть место женщинам, коротким интрижкам и любимой работе, но нет места серьезным отношениям. Когда к нему за помощью обращается одноклассница Света Уфимцева с просьбой оформить фиктивный брак – он соглашается. Они бывшие друзья и доверяют друг другу. Никаких обязательств, никаких обещаний, верности и клятв. Никаких притязаний на свободу. Только фиктивный брак сроком на год, статус и видимость семьи. Только документы, способные помочь Светлане усыновить ребенка. Но жизнь не любит шуток, она играет всерьез, и неожиданно эти двое понимают, что их брак оказывается совсем не фикцией.

Янина Логвин

Небо выше облаков

© Логвин Янина, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Ты нужен мне

*Ты нужен мне, когда снега заносят к сердцу
путь,
Ты нужен мне, когда мосты нет сил
перешагнуть,
Когда с подругой тишину уже не разделить,
Когда душе не замолчать, а телу – не остыть.
Когда в нависших облаках нет места синеве,
Когда из тысячи дорог моя – ведет к тебе.
Когда три слова на губах сверкают янтарем,
Когда нуждаешься в огне сырým промозглым
днем...
Как хорошо тебя найти. Как хорошо сказать:
«Ты нужен мне. Ты... нужен мне!»
И навсегда обнять.*

– Светлана Анатольевна?

– Да, Егор?

– Белуга нашлась!

– Где?

– Ездила в электричках и попрошайничала. Контролеры сняли!

– Как она?

– Неважно. Ревет и кусается. И никого не подпускает. Может, ей укол сделать? От бешенства? Вдруг она заразная?

– А может, ты не будешь городить ерунду и вспомнишь, что она твой друг?

– Да какой она друг?! Плевать ей на нас! Зачем вы вообще с ней возитесь?

– Иди уже, Егор. И предупреди, пожалуйста, Ольгу Валентиновну о приезде инспектора, мне только что звонили из социальной защиты. Скажи, пусть пока не трогает Наташу. Я сейчас приду. И знаешь, что еще...

– Что?

– Загляни на кухню. Попроси Агеевну сделать для Наташи сладкий чай и... что она еще любит?

– А почему вы у меня спрашиваете?

– Потому что знаю – тебе не все равно.

– Ну, борщ, наверное. О! Ленивые вареники!

– Егор, речь идет о Белуге.

– Да зуб даю, она их тоже любит! А еще «Баунти» и соленые крекеры! Только у Агеевны «Баунти» нет!

– Хорошо. Я сама схожу куплю.

– Светлана Анатольевна!

– Да?

– А знаете, вы такая красивая, когда хмуритесь...

– Остряков, я тебе говорила, что не люблю подлиз?

– Так я же правду! Светлана Анатольевна!

– Ну хорошо, Остряков. Что на этот раз?

– Журнал «Большой футбол». Помните, вы как-то принесли несколько? Еще сказали, что это журналы вашего отца. Там на последней странице были классные магниты – фото чемпионов. Я теперь их собираю!

– Ладно, принесу.

– Ну тогда я побежал?

– Давай, Егорка. И не забудь к Агеевне заглянуть!

– Понял! А вы там сильно с Наташкой не цацкайтесь! Все равно она через неделю снова сбежит!

Третий побег за два месяца. Не просто так – беспутную мать выпустили из мест лишения свободы. Кто сказал – не дознаться, но вести, словно поганые грибы, ползут из земли в детские души.

Трудная девочка, сложный ребенок. Десять лет, а словно три раза по десять, и старше тебя самой. Глаза умные, глубокие, повидавшие такое, что лучше из этих глубин не доставать. Пока есть надежда на нормальную жизнь – утопить бы все и засыпать песком. Залить бетоном, похоронить так, чтобы не осталось и креста в памяти! Тонкая работа, кропотливая, но если не я, то кто? Сама выбрала себе путь и призвание. Самой и отвечать.

Белуга сидит, сжавшись на стуле у стены, и смотрит волчком – ни дать ни взять, выпавший из гнезда тощий птенец, сломавший о свободу крылья. Волосы спутались, брюки на коленях изорваны, на щеках грязь... Она не ела толком несколько дней, прыгая из поезда в поезд, проскальзывала невидимкой через турникеты, просила и подбирала, отдавая вокзальным падальщикам дань. Выживала, и все ради того, чтобы найти мать. И прокормить. В мире Белуги детей метят особыми бирками – кто полезнее, тот и ценнее.

Я захожу в комнату с холодными серыми стенами и светлыми крахмальными шторами и сержусь про себя. Снова закрытый бокс. Сколько раз просила заведующую не приводить сюда детей, но каждый раз все повторяется снова. Медосмотр, трехдневный карантин и одиночество. Изоляция от общества, уже однажды тебя отвергшего. Все, бесспорно, оправданно, когда под твоей ответственностью сто тридцать два ребенка, но все равно ужасно несправедливо.

Я захожу, но оставляю дверь открытой. Мы обе с Белугой знаем, что отсюда не сбежать – за следующей дверью дежурит медсестра, но пусть уж девочке останется хоть эта маленькая иллюзия – скромный, как пост, мнимый глоток свободы.

Я не подхожу близко. Не повышаю голос, не поднимаю рук. Я просто какое-то время присутствую, давая девочке возможность меня принять. Разделить со мной застывшее, озлобившееся против нее пространство.

Начинаю говорить о сторонних вещах. О том, что на улице весна и, если она захочет, мы можем пойти погулять. Что в нашем саду первый раз зацвела черемуха, и запах от нее стоит необыкновенный. О том, что у дворняжки Масяни на заднем дворе смешные щенки, а еще о том, что ее подруга очень по ней скучала.

– Надя сплела для тебя браслет из бусин и бисера, очень красивый, так что к летнему балу у вас будут самые настоящие украшения.

Белуга не отвечает. Здесь все молчуны, я привыкла. Колочие души, замкнувшиеся в панцирь из недоверия и обиды. Хмуро смотрит в окно, за которым ветер качает цветущие ветви старой акации, и рвет нитку на растянутом рукаве старой шерстяной кофты.

– Наташа, ты, наверное, давно не ела. Что ты хочешь? Я попрошу Агеевну принести тебе горячего. У тебя ничего не болит? Как ты себя чувствуешь?

Я вижу, что ниже уха на щеке у девочки наклеен грязный пластырь. Наклеен неумело, широкой полосой, из-под которой на коже виднеются желтоватые пятна уже сходящей гематомы. Скорее всего след, оставшийся от крепкой пощечины или падения. Результат возвращения к матери? А может, бродяжничества? В подземке метро десятилетнему ребенку так легко что-то с кем-то не поделить.

Мне еще предстоит выяснить причину его происхождения, но сначала надо вернуть Белугу назад. Вернуть людям,

обществу, себе. Пока не поздно, пока еще не потух окончательно свет детства в светлых глазах, и пока еще есть надежда помочь ей забыть.

Я помню, что девочка любит читать. Питер Пэн и Венди. Русалочка. Пеппи Длинныйчулок. Рисунки к любимым книгам до сих пор висят на стене в ее спальне. Вряд ли она читала последнее время, но все равно не замечает стопки книг, которые я принесла с собой и положила на стол.

Она странно замерла, продолжая смотреть в окно – маленькое съездившееся существо, застывшее в точке неприятия, непонятно какого пола. Если бы не волосы до плеч, светлые от рождения, а сейчас практически бурые и спутанные от грязи, так сразу и не сказать, что девочка.

Мне кажется, что Белуга спокойна, и я делаю к ней шаг.

– Наташа...

Но видимость обманчива. Ребенок – как пружина, загнанная в паз, и быстрый взгляд колких глаз подтверждает, что пружина готова выпрыгнуть, сорваться, выстрелить. Мчаться туда, где ее понимают и ждут. Где ее любят странной любовью, которая проступает гематой под пластырем.

– Пошла ты! Ничего не хочу! Я вас всех ненавижу! Поняла? Ненавижу!

Белуга вскакивает и роняет стул. Начинает реветь. Пятится в угол, утирая рукавом сопливый нос, под которым вдруг раздуваются пузыри. Я сделала всего лишь шаг, и этого шага хватило, чтобы девочка сорвалась и заплакала навзрыд –

десятилетний ребенок, не удержавший в себе ком отчаяния.

– Она меня ждет, а я не приду! Ты понимаешь?! Ждет! Ненавижу вас всех! Ненавижу!

– Наташа, успокойся, прошу!

Сзади раздаются шаги, и в комнату входит медсестра – крупная, рослая женщина лет пятидесяти с мужскими чертами лица, на котором главенствуют крючковатый нос и тяжелый подбородок. Она могла бы правдиво сыграть женщину-инквизитора, задействуй ее какой-нибудь режиссер в этой роли, но природа иногда шутит, облачая доброту в непривлекательную обертку.

И имя у нее такое же грубо-отточенное – Ираида Борисовна.

Она слышит плач, и это служит сигналом вмешаться. Входит важно, с серьезным видом держа в руке пакет со средствами санитарной обработки. Подходит и опускает мне ладонь на плечо.

– Все хорошо, Света. Я лучше сама. Наташке сейчас команда нужна, как дальше жить, не слышит она тебя. Вот выплачет свою беду, а после и про черемуху поговорите.

У Ираиды своя философия и своя правда жизни. В прошлом и сама воспитанница детского дома, она лишена излишнего такта. Но я уже не раз убеждалась, что ее тактика порой срабатывает куда лучше моей.

Она подходит к девочке близко, без спроса вторгаясь в личное пространство. Достает из кармана салфетку и уве-

ренно вытирает сопливый нос. Ударить Ираиду сродни кошунству, через ее руки прошло не одно поколение воспитанников, и Белуга, сделав несколько попыток вырваться, затихает, но по-прежнему вздрагивает в плечах.

– Ну, давай, Наташка, раздевайся... Какая ты грязная у нас. Это у тебя суп, что ли, застыл на рукаве, или сопли? Самой-то не противно, нет? Ты же девочка. Ну чего ревешь? Дома ты, как ни крути. Дома! Дай, посмотрю тебя... Свет! – Ираида зовет меня, и я откликаюсь:

– Да?

– Включи в душевой обогреватель. Не нравится она мне. Как бы бронхит не подхватила – хрипит и кожа под глазами синюшная. А у нас тут полный набор! – со вздохом сообщает. – Колтуны и педикулез. Так что вещи, Наташка, я твои изымаю. Ты же не хочешь, чтобы эти твари тебя живьем съели? Ну?

– Только не брейте, – всхлипывает девочка, но уже не сопротивляется. Просит упрямо: – Не хочу, чтобы все знали! И смеялись. Не хочу!

Насмешки и одиночество – вот самые большие страхи в стенах детского дома. Мы с Ираидой переглядываемся, и я киваю, наблюдая, как медсестра, вслед за грязной кофтой, стаскивает с ребенка футболку и брюки, обнажая тощее тельце. Поворачивает девочку осторожно, отвлекая разговором, позволяя мне бегло ее осмотреть.

Слава богу, видимых синяков и ссадин нет, только болез-

ненная худоба. Кивнув Ираиде, я ухожу в душевую, чтобы включить обогреватель. Возвращаюсь за полотенцем и слышу, как женщина искренне удивляется.

– Да ты что, детка! Как можно! Вот меня в детстве не раз брили, так я на всю жизнь тот стыд запомнила. А сейчас ученые такие препараты придумали – десять минут, и каюк твоим. Обрабатываем и забудешь! Заодно и ногти острижем. И будешь ты у нас не замухрышка сопливая, а снова умница Наташа Белугина. А то стыдно же людям на глаза показать, распустила сопли по колено. Подружка твоя Надя что скажет, когда увидит тебя такую?

– Не обрежете? Обещаете? А то я снова сбегу!

– Напугала. Отъешься для начала! Вот вырастешь, станешь ученым, и не такое придумаешь.

Уже в душевой, когда я помогаю Ираиде вымыть девочку, Белуга говорит без слез: то ли и вправду успокоилась, а то ли смирилась на время, пока не понять.

– Не хочу ученым. Я буду сказки писать. Хорошие и добрые. Про маму... Не уходите, Светлана Анатольевна, пожалуйста! – просит, цепко поймав пальцами мое запястье. – Я вас вспоминала, честное слово!

Разговор получается не из легких. Мир глазами ребенка видится совсем другим, и обида, как снежный ком, придавивший грудь, не дает девочке дышать. Приходится осторожно и долго нащупывать проталины, обходить острые уг-

лы, возвращаться и говорить. Разгребать этот снег руками, чтобы Белуге досталось хоть немного человеческого внимания и тепла.

Она оттаивает. Не скоро, но снова шмыгает носом, уплетая борщ. Рассказывает о старшем брате, который скоро вернется из армии и ее заберет. О доме, который у них когда-нибудь обязательно будет – большой и настоящий. И о матери, которая все равно ее любит.

– Просто у нее судьба тяжелая, вот и пьет. А еще сожитель гад. Если бы не он, мамка бы нас всех к себе забрала. Верите?

Не верю, а потому молчу. Конечно, когда у тебя четверо детей, и всех воспитывает государство, самое время втемяшить в голову ребенку, которого ты бросила, жалость к себе. Окунуть в эту жалость с головой, до хриплой немоты, пока еще в детских глазах не родилась ненависть, а затем и равнодушие.

Убила бы!

Уже после разговора, когда волосы расчесаны, а девочка сидит в койке с книжкой в ожидании визита врача, я выхожу из комнаты изолятора, и Ираида зовет меня на чай. Угощает печеньем.

– Ну что, садись, Свет. Выдохнем, что ли. Ну и денек! Сначала Карасев с Чебановым подрались до крови. Хорошо, что наш Никита Валерьевич поблизости оказался – вовремя разнял. Теперь вот Наташка шума наделала – беспутная душа. А ведь самое страшное, что не врет. Оклемается и, как

пить дать, снова сбежит к мамке!

День сегодня действительно выдался не из легких. Я опускаюсь на стул, беру чашку в руки и грею о ее края ладони, которые оказываются озябшими, словно и правда побывали в снегу, пусть на улице уверенно дышит весна.

– Да простят меня люди и Бог, но лучше бы эту пьянь посадили! – выдает в сердцах Ираида без сожаления. – Хоть бы дочке дала вырасти! Если она в беду попадет, разве с той курвы спросишь?

Чай горячий, а печенье простое и вкусное. Я с удовольствием потягиваю напиток, глядя в окно. На детской площадке гуляют дети постарше – лет десяти-двенадцати. Занятия в классах закончились, и сейчас у детей свободное время. Наверняка Андрюшка уже проснулся и после полдника играет в игровой комнате. И ждет. В этом доме-интернате, где я работаю психологом вот уже год, дети помнят обещания, а я обещала мальчишке прийти.

Андрюшка. При мысли о мальчике губы, как всегда, трогает улыбка, а сердце отзывается теплом.

– Значит, постараемся этому помешать, Ираида Борисовна, – твердо говорю медсестре. – На этот раз Наташи не было три недели. Я боялась и предполагать, что могло случиться с ребенком за это время. Если снова сбежит, мать ее непременно накажет, чтобы в следующий раз не попадалась. И следующего возвращения девочки может не быть.

– Вот сволочь! Тогда уж лучше, как я – круглая сирота,

чем вот так. Вот ты психолог, Свет, объясни: почему? От них отказываются, бросают, а эти выкормыши, как волчата, по следу бегут. Спать под открытым небом готовы, лишь бы с такой мамкой!

Это неприглядная правда, и возразить на эту правду нечего.

– Скорее, не лишь бы, а только бы она была – мамка. Вы сами ответили на свой вопрос, Ираида Борисовна. Природа не пустые щи. В ней эволюцией столько всего намешано, а человеку якорь нужен. Корни, чтобы уцепиться, выжить и дать здоровые ростки. Это не вина детей, что их лишили почвы и заботы, это вина родителей. Особенно вот таких кукушек. У человека должен быть дом и семья по определению, и дети это чувствуют. Сначала нутром, а уж после головой. Человек – единственное существо с памятью, кто он есть и откуда. Вот и тянутся, как могут, чтобы быть нужными и любимыми. Не брошенными.

– Кстати, вы не знаете, – спрашиваю женщину, допив чай и поблагодарив за угощение, – кто у нас сегодня в ночную дежурит? Надо бы предупредить насчет Наташи, чтобы не оставляли одну. Все пока очень нестабильно, и срыв может повториться. Я сегодня задержусь часов до девяти вечера, так что зайду узнать, что сказал врач, но хотелось бы быть спокойной.

– Я останусь. Не переживай, Света. У меня не сбежит, и под замком держать не стану – разнервничается еще. Пого-

ворю с ней. Вот чаю, как с тобой, попьем. А там пусть отсыпается.

– Спасибо.

Я встаю и поправляю одежду. Поднимаю руку, чтобы взглянуть на часы.

– Тогда я к Ольге Валентиновне загляну. Что-то ее долго нет. Уже давно должны были из инспекции приехать. Если что, помогу оборону держать.

В игровой комнате непривычно тихо. Все ушли на улицу, лишь нянечка возится в соседней спальне, наводя чистоту, да две девочки постарше сидят за столом и что-то рисуют. Заметив меня, обе с интересом поднимают головы и отрываются от занятия. Провожают любопытными взглядами.

Я захожу и замечаю Андрюшку в углу, у большого конструктора, с машиной в руке – пятилетнего мальчишку, хрупкого, похожего на гуттаперчевую фигурку.

Как всегда, он сидит один, играет с игрушками и, услышав меня, не поднимает глаз.

Очень закрытый ребенок, со своими душевными травмами, молчаливый и тихий, как тень. Долгое время он совсем не разговаривал, я была первой, кому он назвал свое имя, и до сих пор осталась единственной, с кем он говорит.

– Здравствуй, Андрюшка.

Мальчик не отвечает, но играть прекращает. Поднимает глаза, чтобы увидеть меня, и тут же опускает взгляд в пол.

Он рад – я уже научилась распознавать его настроение по малейшим признакам (волнения нет, любимая игрушка позабыта, а пальчики, словно к огню, скользят по полу в мою сторону), но остальные дети очень внимательны, и не прощают заботы, и он в свою очередь научился скрывать радость.

– Погуляешь со мной?

Снова молчание и лишь кивок в ответ.

Я подхожу и, не удержавшись, провожу рукой по темно-волосой головке. Задержав пальцы у затылка, тихо прошу:

– Ну, беги, одевайся. Я тебя подожду.

Андрюшка вскакивает и, прихрамывая, опираясь на носочек ноги, быстро-быстро бежит в спальню, позабыв об игрушке. Я поднимаю ее и оборачиваюсь. Вижу, как он останавливается на пороге спальни и оглядывается, словно боится, что я уйду. Застывает натянутым фитильком, потянувшись ко мне.

Этот миг повторяется снова и снова, словно моих слов мало, и каждый раз ему страшно потерять меня из виду.

Этот страх взаимный. Он отражается в глазах мальчишки и отзывается болью в моей душе. Я не знаю, помнит ли он своих родителей – скорее всего лишь образы, но память потери живет в нем темным монстром, в этом маленьком, грустном человечке, вдруг оказавшемся один на один с огромным миром, и я понимаю: одному ему не справиться.

Я тоже боюсь его потерять и спешу прогнать страх из глаз ребенка спокойной улыбкой. Он ждал меня, и радость от это-

го понимания прогоняет тревогу и наполняет сердце теплом и любовью. Он видит это тепло в моих глазах, впитывает жадно, и только убедившись, что за день оно никуда не исчезло, убегает одеваться.

Мой мальчишка. Мой!

Почему именно он? Почему Андрюшка Сомов? Не знаю.

Я помню свой первый рабочий день, детдомовскую суету, кабинеты, папки, личные дела воспитанников. И лица детей. Тогда я окунулась в новый для себя мир, и думала, что задержусь в нем всего на три месяца, отозвавшись на просьбу знакомой. Этот мир пугал колючей щетиной и разбитыми судьбами.

А осталась на год и даже больше.

Трудный случай, первый настолько сложный в моей практике. Смерть обоих родителей на глазах ребенка, болевой шок, сильнейший стресс и полная психологическая изоляция последнего от мира.

Мальчика взяли на воспитание дальние родственники, но не справились, подозревая, что после травмы в его нервной системе произошли необратимые изменения. Через полгода после аварии Андрюшка Сомов попал в детский дом с подозрением на диагноз «аутизм», который, возможно, у него был от рождения – семья совсем недавно переехала из отдаленного городка. А я... Я его нашла.

Они ошибались, все ошибались. Пусть это была интуиция, но она не обманула, диагноз не подтвердился.

Первое время он действительно был настолько закрыт, что не реагировал на вопросы, не играл, не просил помощи, не откликался на звуки своего имени и не разговаривал. Сидел сутками, словно застывшая фигурка в стеклянном кубе. Детям свойственно многое забывать, хорошо адаптироваться в новом обществе, искать друзей и тянуться к теплу, но Андрюшка стал исключением. Он не хотел. Он хранил кусочек тепла в себе самом, и отчаянно, как умел, пытался его сберечь.

Срок моей временной работы подошел к концу, но уйти из детского дома я не смогла.

Мне понадобился не один день, много-много тихих слов и часов тишины, чтобы однажды, когда ладонь мальчишки оказалась в моей, его маленькие пальцы сжались.

Андрюшка одевается, я беру его за руку, и мы выходим на улицу. Мне так же, как и ему, хочется укрыться от любопытных глаз, от лишних вопросов и людей, и я увожу его за ворота интерната. Веду дальше, туда, где мы можем целый час побыть просто вдвоем.

Оказавшись под сенью кленовой аллеи, не удержавшись, сажусь на корточки и прижимаю мальчика к себе – я каждый день жду этой минуты.

– Ну, привет, мой хороший. Привет, солнышко! Я так скучала!

И потянувшись ко мне, Андрюшка крепко-крепко обнимает меня за шею и признается:

– Я тоже!

– О, Света пришла! Поля, слышишь? Наша старшая дочь вернулась! Свет, ну почему так поздно-то? Ты что, в две смены работаешь? Нет, ну что за стахановские нормативы? У тебя вообще есть личная жизнь или нет?

– Нет ее, пап, и ты это прекрасно знаешь.

Я вхожу в квартиру и раздеваюсь. Сбрасываю с усталых плеч плащ, с ног – туфли на шпильках, убираю одежду в шкаф и подхожу к отцу. Целую его в щеку и направляюсь к своей спальне, чтобы переодеться и оставить сумку.

– Все равно! – отец идет следом. – Мне тут проект прислали для новой гостиницы, а посоветоваться не с кем! У матери голова болит – ей все нравится, Лялька до сих пор гуляет, а Умка сегодня снова вернулась в печали. Кажется, что-то случилось с ее докладом, и она расстроена.

– Пап, не бузи. Лучше поставь чайник и чего у нас там вкусного есть? Я голодна – жуть!

– Поля! – повышает голос отец, обернувшись. – Чего у нас есть на ужин? Твой ребенок голоден!

– Светуль, кажется, котлеты остались! – отвечает из зала мама. – Если Оля с Костиком не съели. Я слышала, они час назад на кухне толклись, так что не уверена.

– Съели! – приложив ладонь ко рту, докладывает папа. – И даже подливку. У Костика нынче аппетит – мужик! В общем, овсянка с ветчиной пойдет? – спрашивает участливо. –

Я приготовлю!

Повар из него не ахти какой, но когда у тебя три дочери, а у жены – три ветеринарных клиники, приходится чему-нибудь да научиться. И не важно, что старшей из дочерей уже двадцать семь. Ответственность – штука такая: если она есть – с годами не проходит!

– А как насчет рыбки соленой, доча? – на лице родителя появляется хитрая ухмылка налакавшегося сливок кота. – Мне тут друзья такую рыбку презентовали – закачаешься! Хочешь?

– Конечно, пап!

– Тогда я быстро! Свет?

– А? – я оборачиваюсь на пороге.

– А может, по бокальчику пивка сообразим на двоих? Ну, раз уже у нас есть рыбка?

Я улыбаюсь и на секунду прикрываю глаза, давая понять, что согласна.

– Можно и по бокальчику. Но не больше, Уфимцев, – строго грожу родителю пальцем, – мне завтра на работу!

– Понял, Светуль! Сейчас все оформлю!

Отец у меня известный в городе бизнесмен. Владелец сети ветеринарных аптек и зоомагазинов в крупном областном центре. Совладелец нескольких гостиниц на побережье и курортных комплексов. Дядька интересный и важный, все как положено. При кожаном портфеле, личном водителе, автомобиле последней марки «лексус», тремя исполнительны-

ми директорами и пятикомнатной квартирой в самом дорогом жилом комплексе города – известной высотке «Седьмое небо».

Но все это находится в большом мире за дверью. Когда он дома, он обычный сорокашестилетний мужик. Все тот же Толик Уфимцев, в прошлом способный студент, который в девятнадцать лет женился, а в двадцать два катал меня на спине и кричал веселой лошадкой: «И-го-го! Светлячок, держись!»

Форель действительно оказалась нежная и вкусная, а пиво – мое любимое, баварское.

Мы сидим с отцом в кухне за столом, на стене беззвучно работает телевизор, и листаем презентационный проект нового, улучшенного интерьера vip-зала приморской гостиницы.

– Ну и как тебе, доча? Дизайнер обещает, что выйдет достойно. Матери нравится.

– А тебя что смущает, пап? Ты же сам хотел зал в светлых тонах.

– Да, но я представлял себе, что будет дерево. Что-то в духе английской провинции или в стиле Прованса.

– Я тебя умоляю, пап. Давай только без цветов и рюшей. Всех этих виньеток и лаванды, оставшихся в прошлом веке.

– Но голубой и салатовый, Свет! – сомневается отец. – Непривычное сочетание! Даже и не знаю, что думать. Я как-то больше привык к классике.

– Здесь салатový не доминирует, смотри. Он практически растворен в обилии кремового и отлично сочетается с голубыми портьерами и ровными линиями. Ты только представь – море, солнце, простор и чистый воздух. Такой же чистый, как эти цвета. Большой светлый зал, залитый светом, открытая терраса. И людей, которые приехали отдохнуть и расслабиться. Пап, отличный проект и отличная атмосфера, поверь! Мне нравится.

– Ну, раз ты так говоришь... Значит, соглашаемся?

Я поднимаю бокал и осторожно касаюсь краем отцовского. Улыбаюсь устало.

– Значит.

Мы немного молчим, пока отец догрызает рыбку. После – болтаем о рабочем дне. Я рассказываю об Андрюшке и о Белуге. Отец – о встрече с партнерами и новых планах. Как всегда брюзжит, что мама много работает, и ему это не нравится. А теперь еще и я возвращаюсь поздно.

– Свет, ну и чего ты второй день молчишь? – спрашивает с осторожной укоризной, когда мы все-таки решаем распить по второму бокалу – пиво сегодня выше всяких похвал. Или это день был трудным? – Думаешь, если не расскажешь, так тебе легче, что ли, станет? Ну, что там решили органы опеки? Суд снова не дал добро?

Я устало повожу плечами.

– Нет. На полное усыновление не дал.

– Отказали? Ты же собрала все необходимые документы!

– Отклонили.

– И что их не устраивает на этот раз?

Вздых из груди вырывается сам собой. Говорить об этом трудно.

– Многое.

– Света...

– Пап? – я встаю, беру со стола оба бокала и отношу к мойке. Споласкиваю их, а затем возвращаю на место. – Тебе что, своих забот мало? Вон, у тебя Лялька с Котэ подрастают, за ними глаз да глаз нужен. Катя учится. Мать с такой работой скоро загонит себя. Я обязательно попробую что-нибудь сама придумать, обещаю!

– Мои главные заботы – это мои дети, – возражает отец, становясь серьезным. – Я же вижу, что у тебя сердце не на месте, и хочу знать, что происходит. Почему отказали? Юрист нас уверял, что все будет в порядке! – возмущенно поджимает рот. – Сейчас даже одинокие женщины могут усыновить ребенка. Так почему нет? Что они там себе придумали?!

– Есть нюансы, пап. Не все так просто.

– Но я же сказал, что помогу с операцией. Может, они там не в курсе, в своих важных опекунских кабинетах, что Андрюшке нужна помощь? Или забыли? Он, между прочим, каждый день растет. Сколько можно откладывать?

– Нет, не забыли. Они в курсе. А также в курсе размера моей низкой заработной платы и отсутствии личной жилплощади. Но самое главное даже не это.

– А что же?

– Андрюшка не обычный ребенок. Он ребенок, перенесший физическую и психологическую травмы. Ему необходимо длительное лечение и помощь психолога. По мнению опекунского совета, он должен воспитываться в полной семье. В семье, где есть мать и отец. Где есть все условия для его здорового и полноценного развития.

– Но ведь ты же и есть психолог! И ты его любишь! Какого рожна им еще надо-то?!

– Увы, но это не аргумент, и я их понимаю. Им нужны гарантии, что ребенок будет социально защищен не на один год, и не на два.

Папа молчит, я тоже. Мы обмениваемся улыбками – грустными и в то же время проникновенными. Это очень важно – увидеть на лице родного человека вот такое участие.

– Света, ты же понимаешь, что всегда можешь вернуться ко мне на работу.

– Понимаю, пап, но сейчас не могу. Я должна видеть Андрюшку каждый день, а он – видеть меня. Знать, что я рядом и не исчезну однажды, так ему легче. Знал бы ты, как тяжело он меня отпускает. Ни о чем не просит, просто молчит, но это его молчание...

У меня не получается договорить. Ком перехватывает горло, и я отворачиваюсь.

– Давай завтра поговорим, – только и прошу.

– Светочка, дочка, ты только не расстраивайся! – папа

встает и опускает ладони на мои плечи. – Я что-нибудь придумаю! Завтра же поговорю со своим юристом. В конце концов, я могу перевести на тебя часть бизнеса. Уверен, мы найдем выход!

– Это не решит проблему полностью, а скорее ее усложнит. Опять встанет вопрос о работе в детском доме. О моем времени и невозможности уделять Андрюшке достаточно внимания. Да и процесс этот не быстрый, а мальчику нужна операция уже сейчас. Была нужна еще год назад.

Я целую отца, прежде чем уйти.

– Пап, твоя старшая дочь давно выросла. Я не могу вечно перекладывать свои проблемы на твои плечи. А Андрюшка... – вздыхаю. – Если я хочу стать для него мамой, если хочу семью, я должна сама найти выход, понимаешь?

Уже немногим позднее, когда я лежу в своей постели и смотрю телевизор, звонит Рыжий – мой школьный приятель и сосед по дому Виктор Артемьев. Он с семьей живет двумя этажами выше, я крестила их с Таней девочку, и питаю к этим людям нежные чувства.

Поздний звонок не напрягает, мы иногда созваниваемся, а сегодня я сама попросила друга перезвонить позже.

– Привет, Уфимцева! Ну как ты? Как прошел день?

Я берусь за пульт и приглушаю звук в телевизоре.

– Привет, Вить. Слушай, давай без официоза, а то настроения нет – день был сложным.

Артемьев понимает меня с полуслова.

– Света, ты подумала над моим предложением? Я по-прежнему считаю, что это хороший вариант. Почему бы не рискнуть? К следующему заседанию суда у тебя на руках уже будет свидетельство о браке. У опеки просто не найдется причины для отказа. Шибуев у нас не просто по жизни красавчик, он врач-хирург с отличными перспективами и известной фамилией. Девяносто процентов из ста, что для вас с мальчиком всё решится положительно.

– Да, я подумала, Вить.

На самом деле, об Андрюшке Сомове до недавнего времени знала только моя семья. И я не планировала никого посвящать в свои планы, пока не узнала, что мне отказано в усыновлении. А когда узнала, вдруг нахлынуло отчаяние. Именно в тот момент я и позвонила Витьке – не знаю, решилась бы позвонить другу пятью минутами позже, но в тот миг словно колпаком безысходности накрыло. Если бы услышала мамин голос, просто разревелась бы.

Я знала Артемьева двадцать лет, когда-то в начальных классах совала его головой в снег и мутузила сумкой. Мы сидели за одной партой и вместе сбегали с уроков. Гуляли в одной компании. Именно он помог мне освободиться от Феликса – парня, за которого я чуть не выскочила замуж, и вставил мозги на место. Если кто-то и понимал меня лучше всех, так это Рыжий.

А еще у него был талант находить верные решения. Когда надо прикрывать чужие задницы, и при этом избегать про-

блем.

Я могла ему доверять целиком и полностью.

– Свет, давай я Андрюхе сам позвоню, если тебе сложно. Поговорю и все ему объясню. Вот как есть.

– Не нужно. Я уже звонила Андрею.

– Даже так? – в голосе Рыжего слышится удивление. – И что он сказал?

– Отправил меня в пеший поход и сразу в три направления.

Но мне не удастся провести Артемьева. Он чувствует мое настроение и удерживается от колкости. В другой раз бы обязательно съязвил.

– Уфимцева, неужели ты боишься? Ты, Светка?! – изумляется Рыжий. – Девчонка, которая в пятом классе на спор прыгнула со второго этажа дачи моих родителей в сугроб? Не верю!

– Ну, ты вспомнил. Ты бы еще вспомнил, как в восьмом классе я подбивала всех набить татуировки на плечах, и наши эксперименты с выпивкой, – прикрываю глаза, понимая, что улыбаюсь.

– Вить, я не видела Андрея больше трех лет, ты же не думаешь, что я стану говорить с ним о такой теме по телефону? – искренне удивляюсь его непониманию простых вещей. – Да, я боюсь ошарашить Шибуева, если хочешь знать. Влезть в его жизнь и перекроить планы к чертовой матери. Мне все еще важно, что он обо мне думает.

– Значит, саму тебя перспектива фиктивного брака уже не пугает? Вчера ты ответила категоричным «нет».

После того, как я со времени этого «вчера» столько всего передумала?

– Нет, – признаюсь. – Уже не пугает, если это будет Андрей. Я позвонила, и мы договорились послезавтра встретиться в кафе.

– Вот поговорите и узнаешь. Поверь, Шибуев просто идеальная кандидатура!

– Вить, а вдруг он изменился? Или у него серьезные отношения с девушкой? Или он не захочет? Это на самом деле совсем не авантюра! Всё гораздо сложнее. Я пока Андрея сама не увижу, не знаю, решусь ли пойти до конца.

Витька отпускает смешок.

– Свет, ты знаешь Шибуева не хуже меня. Не думаю, что он изменился. Зато у вас двоих появится шанс круто повернуть судьбу.

Я напрягаюсь. Иногда у Бампера шуточки, хоть бери и снова мутуз сумкой по рыжей голове.

– Не поняла, Артемьев. Ты сейчас о чем?

– Да так, просто к слову пришлось.

Ну конечно, а то я его не знаю.

– Ради бога, Витька, – говорю устало. – Закругляйся с намеками! Мне только мужа-бабника для полного счастья и не хватает. Я же ревнивая, прибыю сгоряча, и не будет у тебя больше друга. Так что уж лучше без крутых поворотов судь-

бы!

Мы смеемся.

— Ладно, Света. А что с квартирой-то? Ведь остается вопрос с жильем?

— Да, остается. Никак не решусь попросить родителей купить мне квартиру. И дело не в том, Вить, что они не захотят. Я просто дома, понимаешь? Иначе бы давно уже переехала. Да и Андрюшке нужно общение. А здесь девчонки, кот, собака. Ему не будет одиноко в моей семье.

— Ты это мне говоришь, Свет? — хмыкает Витька. — Да мы с Таней сами никак от предков не съедем! Нам нравится здесь жить.

— Вот и мне. Поэтому, если что, попробую на время снять квартиру. В конце концов, законом это не запрещено, а прописка у меня есть.

* * *

POV Андрей

Дым в узкую створку окна уходит медленно, клубится у капроновой сетки, не спеша просачивается сквозь поры, не желая уползать из тепла в сырые сумерки утра. Дым такой же сизый и плотный, как утренний туман. Я расстегиваю халат, затягиваюсь сигаретой, и прогоняю его из комнаты тяжелым дыханием. Освобождаю легкие, чтобы взамен глотнуть хоть немного прохладной свежести, пропитанной тишиной

весеннего утра и ароматом цветущих яблонь, проникающих в душную ординаторскую.

Без четверти шесть. Утро. Позади еще одни сутки дежурства в хирургическом отделении скорой помощи, две плановые операции и одна внеплановая, продлившаяся больше четырех часов. Рутинная работа, вымотавшая меня к черту, забравшая силы и сон, но парнишка будет жить, а это главное. И мать его будет жить, чьи слезы заставили совершить невозможное и примерить на себя роль Бога. Хладнокровного существа, кромсающего плоть, сшивающего мышцы и соединяющего сосуды ради одной цели – во что бы то ни стало удержать в сломанном теле душу. Невидимую материю, для которой природа создала совершенный, и вместе с тем такой хрупкий футляр.

Как жаль, что в пятнадцать лет этим футляром почти не дорожишь, считая себя бессмертным и неприкосновенным.

Как жаль, что в двадцать семь не остается места мечтам и иллюзиям.

Я поднимаю бутылку и делаю длинный глоток, впитывая сухим горлом янтарную жидкость. Почти сразу же ощущая, как она, жгучая и терпкая, обжигая грудь, растекается внутри приятным теплом. Мой личный порог свободы, за который я позволяю себе уйти. День едва начался, а я уже пью пятизвездочный коньяк. Паскудно.

Сзади раздаются шаги и на талию ложатся руки – такие же уставшие, как мои. Жаждающие своего порога свободы. Они

уверенно скользят под расстегнутый белый халат, забираются под рубашку и жадно оглаживают пояс брюк, точно зная, что мне нужно. Шеи касаются теплые губы.

– Андрей Павлович, у нас есть пятнадцать минут, чтобы забыть еще один день. Так что, если ты хочешь повторить прошлое утро, нам следует поторопиться. Я закрыла дверь, но ты же помнишь, в каком месте мы работаем – тишина не продлится вечно. Скоро заявится Павлюкин и все испортит своей унылой физиономией.

Рита – моя операционная сестра. Чудо, а не девушка.

– Андрюш, ну правда, операционная убрана, шовно-перевязочный материал на месте, аппаратура исправна и готова к новому дню. Да пусть Павлюкин только вякнет! Он тебе завидует, если хочешь знать.

– Чему? Тому, что у меня есть ты? Так это было твоим решением – работать со мной.

– И этому тоже, – я чувствую подбородок на своем плече и слышу смешок. – Но больше твоему вопиющему везению и волшебным рукам. Тому, что он такой же, как все, а ты – нет. У вас, у Шибueвых, какой-то особый ген в крови, который делает вас уникальными. Вот есть музыканты с уникальным слухом, а есть врачи. Ты Моцарт врачебного дела, и мне нравится работать под твоим руководством. Я знаю, что тебя ждет большое будущее. Павлюкин старше, но опытнее только по части интриг, не слушай его.

– Рита, тебе точно пора домой. Шесть утра – не самое луч-

шее время для философских мыслей.

– Может быть.

– Лучше скажи, ты подготовила для шефа истории болезней, как я просил? На моем столе результат томографии Су-конкина – больного из четвертой палаты, сегодня к вечеру мне нужны новые результаты анализов – биохимия крови и печеночный комплекс. Передай сестричкам, пусть все сделают и скинут распечатку мне на почту. Хочу знать, к чему готовиться.

– На первый вопрос ответ «Да», на второй «Слушаюсь, Андрей Павлович!».

Губы греют шею, а я улыбаюсь. Хорошо, когда тебя понимают.

А когда понимают с полуслова – почти счастье.

– Ты настоящая находка, Ритуля.

Я вливаю в себя еще один глоток коньяка, делаю глубокую затяжку, но не спешу тушить сигарету о пепельницу. Какое-то время задумчиво разминаю ее в руках, думая о парнишке... Прыжок с поезда на спор. Как результат – разрыв селезенки, повреждение внутренних органов, внутреннее кровотечение, многочисленное переломы и потеря ступни.

Первые шесть часов прошли в стабильном состоянии, и это обнадеживает. Я сделал все, что мог, и даже больше. Мы не боги, мы люди, но как же дорого обходится нам вмешательство в дела Всевышнего. Сил почти нет. Словно выгорел

изнурти или отдал часть собственной жизни.

Я поворачиваюсь, и Рита тут же подхватывает фильтр губами. Жадно затягивается, размыкает рот, позволяя дыму клубиться у лица. Черт, как же я люблю умных женщин! Она понимает, она все понимает...

– Ради тебя, Андрей, я готова встать даже на колени, – улыбается, снимая с себя медицинскую шапочку, сползает вниз и позволяет моим пальцам войти в ее волосы.

– Ох, давай без патетики, Заяц, – я помогаю ей расстегнуть пояс брюк. – Просто сделаем это. Мы оба устали, была чертовски сложная ночь.

– Смотри, останешься моим должником...

– Договорились, – обещаю своей помощнице, а сам думаю о том, чтобы не упустить ничего важного на планерке и предупредить Павлюкина о парнишке. Первые сутки – самые сложные.

А еще на горизонте возникла Уфимцева. Почти четыре года не виделись, но голос узнал сразу, как только позвонила и попросила о встрече. Странная просьба, совсем на нее не похоже.

Светка. Староста класса.

Ухмылка сама скользит на губы. Ну надо же. Моя первая школьная любовь.

Мы договариваемся встретиться в центре города, в небольшой кофейне, где подают кофе, горячие круассаны и вкусный вишневый штрудель. В старые добрые времена мы любили здесь собираться нашей компанией и уже отсюда идти в кино.

Я тороплюсь, но все равно опаздываю на полчаса – диалог с Павлюкиным затянулся. Все это время Уфимцева не звонит, но я знаю, что увижу ее.

Я останавливаю такси у входа в кофейню, расплачиваюсь с водителем наличкой и захожу в помещение, в котором витает запах свежемолотых зерен кофе, ванили и корицы.

Света сидит за столиком в углу и смотрит на меня, наверняка заметив еще в окно – хорошенькая блондинка в темном плаще. Я отмечаю взглядом стройные лодыжки и каблуки. Аккуратные пальцы мнут салфетку... Как только вижу ее, то сразу понимаю: скучал.

Мне бы сгрести ее в охапку, я внезапно чувствую прилив радости от встречи – это все равно, что увидеть старого друга, но что-то в ее лице меня останавливает. Поэтому я просто подхожу, наклоняюсь над столиком и целую ее в щеку – в этом теплом помещении неожиданно прохладную и нежную.

– Как быстро летит время. Ты все такая же красотка. Привет, Уфимцева!

От нее пахнет умопомрачительно. Светка женщина до последней клеточки, всегда была такой, и я не спешу отрывать губы. Провожу носом по виску, вспоминая, как эта девчонка когда-то сводила меня с ума.

Она тоже медлит. Тепло касается ладонью моего затылка и целует в щеку.

– Привет, Шибуев. Ты знаешь, что пахнешь конфетами и коньяком, дорогой доктор?

Она смотрит на меня радостно, большие голубые глаза горят, и вместе с тем словно изучает взглядом. И только изучив, улыбается.

– А ты ничуть не изменился, Андрей!

Я отпускаю ее, снимаю куртку, и мы садимся за столик.

– Нет, Уфимцева, я все тот же Шибуев, – признаю очевидное, – который в отцовском кабинете учил тебя пить виски и лез целоваться.

Она все-таки смущается. Немного, но смотрит уже задорнее.

– Я помню. Тогда ты отхватил от меня знатного леща. И, между прочим, получил за дело!

Светка не врет. Рука у нее всегда была тяжелой, но характер справедливым. Когда-то нам было весело вместе.

– О да! Я три дня ходил с красным ухом, еще и от отца влетело – кого-то из наших ребят все-таки стошнило в мамин вазон с пальмой. Зато отличная вышла вечеринка!

– Прости, Андрей, погорячилась. Сейчас я уже могу при-

знать: тогда ты меня здорово напугал.

Я удивляюсь:

– Неужели я был таким страшным?

– Нет, – взгляд Светы теплеет, – скорее, несообразительным. Хоть бы дверь догадался прикрыть. Все наши были в соседней комнате и явно на нас таращились.

Мы улыбаемся. Хорошо, когда двоим есть что вспомнить, словно и не было четырех лет. Да что там – словно и десяти лет не было.

Света на секунду отворачивается и подает знак официантке. Я догадываюсь, что она уже все заказала, просто ждала моего прихода. Смотрю на аккуратную мочку уха, в которую вдета небольшая сережка, и на нежную линию скул.

Так и есть. Совсем юная девчонка торопится к нам через весь зал с полным подносом. Подойдя к столу, спешит опустить на него две чашки эспresso, два десерта и тарелку, на которой лежат куски горячего жареного мяса и салат «Греческий».

От аромата мяса внутри сразу же зверем просыпается голод.

– Я подумала, Шибуев, что ты с работы и наверняка голоден, так что, пожалуйста, не отказывайся, – скорее ставит в известность, чем просит Светка. В этом вся она. – Ты меня знаешь, тебе все равно придется это съесть! Оказывается, в кафешке со времени нашей юности все же кое-что изменилось. Теперь здесь подают завтраки!

Она разрывает стик с сахаром и высыпает в свой «эспрессо». Размешивает его ложечкой, на секунду отлучившись мыслями. Но тут же возвращается и добавляет в продолжение прерванного признания:

– Это был Рыжий – у кадки с пальмой, но чур, я ничего тебе не говорила.

Она не торопит с разговором, и мы завтракаем молча, продолжая изучать друг друга взглядами. Мне еще предстоит узнать, зачем она меня позвала, а сейчас я думаю о том, какая Уфимцева красивая и свежая, не в пример помятому мне.

Вот только привычной ухмылки уверенной девчонки нет на лице, а ведь когда-то мы были с ней в этом похожи. Когда-то она умела ухмыляться похлеще моего.

– Кажется, Андрей, ты давно не стригся.

Я киваю. Она права: кажется, нет.

– Некогда. Но я сменил рубашку, Свет, и принял душ, честно, – подмигиваю ей, делая горький глоток. – Все-таки я шел на свидание к красивой девушке! Кстати, – замечаю, – ты так и не разделась. В помещении вполне тепло.

Она хмурится, как будто и сама с досадой отмечает этот факт.

– Знаешь, Шибуев, что-то я волнуюсь, – вдруг сознается.

– Ты? – я искренне удивляюсь. – Да брось, Света. Это же я – твой друг. Ты можешь меня просить о чем угодно. Ну, давай же! – улыбаюсь, скрещивая пальцы. – Скажи, в чем

дело? Рыжий звонил, но так ничего конкретного и не сказал. Только то, что я тебе нужен.

Уфимцева смотрит прямо в глаза. Не спешит отвечать, но все-таки говорит:

– Да, нужен. Я не сразу это поняла, но Витька, как всегда, оказался прав.

Она на секунду закусывает губы, сосредотачивая на мне внимание. Шикарные губы – полные и сочные, как я люблю.

– Андрей, скажи, ты женат? – внезапно спрашивает. – Может, есть девушка или гражданский брак? Я почти ничего о тебе не знаю.

Вот так вопрос! А мне казалось, напротив. Уж меня-то она должна хорошо знать.

– Шутишь, Свет? Откуда? Я по жизни холост – это мое состояние души. А ты? – в свою очередь задаю вопрос, едва ли успев подумать: зачем?

Но слово не воробей, уже слетело и повисло в воздухе.

– Нет, – качает светлой головой, – я не замужем.

– Но кто-то же есть? Если не для души, так для тела? – называю вещи своими именами, предчувствуя, что за этим что-то кроется. – Ведь наверняка есть?

Уфимцева не торопится отвечать. Мнет новую салфетку, заставляя меня смотреть на свои руки. Красивые руки с тонкими пальцами и хрупкими запястьями.

За время затянувшейся паузы уже можно три раза соврать, но что-то заставляет ее ответить честно.

– Нет. Сейчас нет.

– И сколько длится это сейчас? – я не могу представить Уфимцеву одну. Возле нее всегда крутились самые лучшие парни. – Неделя? Месяц? – позволяю себе догадаться. Искренне удивляюсь, читая ответ в ее глазах. – Неужели год?!

Голубые глаза всего лишь на миг скрываются под ресницами и снова смотрят прямо.

– Два, если для тела. А для души уже и не вспомню.

Я так впечатлен, что присвистываю:

– Ого. Сильно.

– А ты? У тебя кто-то есть? Для тела? – Света вспоминает, что у нее остывает кофе и помешивает его ложечкой. На ее щеках играет румянец, и она отодвигает дальше расстегнутую полу плаща. – Твое особое состояние души продолжает принимать подарки жизни, а, Андрей?

Вот теперь она ухмыляется, как раньше. Игрет острым взглядом цвета летнего неба, провоцируя меня на откровенность.

– Только не спрашивай, как часто, ладно? В том смысле, что у меня никогда не было и не будет для души. Поверь мне, я как никто знаю, насколько она хрупка. Нет, я не создан для серьезных отношений. Нет, – качаю головой, – брак точно не для меня.

– А вот и спрошу! – Светка наклоняется и красиво подпирает подбородок кистью руки. – Женское любопытство – великая сила. Так как давно у тебя кто-то был, Шибуев? Ну

же, давай, признайся: на сколько позиций я упала в твоих глазах?.. Месяц? Неделя? – вскидывает бровь, но видя, как сыто я утираю кулаком губы и ухмыляюсь, Светка ахает: – Неужели день?! Да ты бесстыжий котяра!

– Меньше, – признаюсь. – Но, Уфимцева, тебе удалось во-
гнать меня в краску. Все это очень просто, на самом деле. Физиология никогда не подводит. Главное – четко обозначить границы.

– Ух, горячий доктор Шибуев! Дотронься – обожжет! – Светка касается меня пальцем, и мы оба смеемся, как старые добрые друзья.

– Света?

– М?

– И все-таки? Мы столько лет не виделись. Что случилось, расскажешь?

В голубых глазах еще продолжает отражаться веселье, но уголки губ уже опускаются. И подбородок приподнимается с ладони.

Света прячет руки под стол и откидывается на спинку стула. Задерживает на груди плащ, вновь возвращаясь к изорванной напрочь салфетке.

– Я бесплодна, практически стопроцентно. Врачи оставляют шанс при наличии идеального партнера, но он настолько мизерный, что я решила не надеяться, так легче жить. Тебе, возможно, это проще понять, чем другим. Поэтому и строить отношения не хочу. Но я хочу усыновить ребенка, и

мне нужен фиктивный муж. Может, на год, а может на два, пока я не оформлю документы и не решу вопрос с жильем. Никаких обязательств, никаких претензий и, само собой, никакого долга, только свидетельство о браке и пара визитов в нужные места.

Мы смотрим друг на друга, не отрываясь.

– Андрей, возьми меня замуж, пожалуйста. Мне больше некого просить.

* * *

POV Света

Сказала и сама испугалась собственных слов, так горько они прозвучали. Отпрянула от стола и прикрыла глаза: что я делаю? Ведь не жалости хотела, и не сочувствия. Хотела, чтобы все обстоятельно и по-деловому, но разве с Шибueвым когда-нибудь получалось поговорить бесстрастно?

Последняя фраза сорвалась с губ и повисла между нами звенящим признанием. Обнаженным отчаянием, и уже слова не забрать назад.

Это все его черные глаза виноваты. Всё знают, всё понимают, всё чувствуют. От таких глаз ничего не утаить. Сказала, а у самой дыхание в груди замерло в ожидании ответа. Наверное, если бы сейчас он встал и ушел – не удивилась бы.

Не ушел. Но видно, что ошарашен. Не каждый день получаешь подобные предложения от бывших одноклассниц. Да,

в прошлом мы были друзьями, но сегодня? Вправе ли я переступать границы его личной жизни сегодня? Не думаю. Но все равно смотрю на вчерашнего мальчишку, превратившегося в мужчину, с надеждой.

– Прости, Андрей. Ты не чужой мне человек, тебе я могу доверять. Если бы могла заплатить за помощь, я бы заплатила. Но ведь ты не возьмешь?

– Светка, замолчи. Просто... это как-то неожиданно.

Больше на лице Шибуева не видно улыбки, и какое-то время я смотрю на свои руки. На чашку кофе на столе, на блюде и на использованный бумажный стик из-под сахара, все еще идеально гладкий – такие обыденные вещи. Совсем не то, что тема нашего разговора.

– Извини, я волнуюсь, – вновь поднимаю лицо. – Никогда не могла тебе врать, а сегодня все утро думала: изменился ли ты? Как обо всем расскажу? И вообще, решусь ли на этот разговор? Получилось, и правда, не очень удачно.

– Ну почему же. Я понял.

– Вот и про бесплодие – зачем тебе знать? – Я невесело улыбаюсь. – Это все твоя волшебная аура виновата, доктор Шибуев. На духу, как перед святым отцом. Давай считать, что этого признания не было. Хорошо? Просто ребенок, которого я хочу усыновить, очень много значит для меня, независимо ни от каких факторов. Ему нужна семья, а он нужен мне. Но, конечно, я понимаю, что прошу почти невозможного. – Андрей слушает, и тиски безысходности постепенно

отпускают грудь, но не молчит сердце, и голосу не получается придать холодной серьезности. – Я даже не знаю, что предложить тебе взамен, я просто прошу подумать. Я готова на любые условия.

– А что ты придумала на случай, если я откажусь?

Действительно – что?

– Не знаю. Но ждать дольше не могу. Понимаешь, Андрюшка непростой ребенок. Он пережил потерю обоих родителей, а по мальчику видно, что в семье его любили. Сейчас ему нужна медицинская помощь – в той аварии, в которой погибли его родители, он получил травму обеих ног. Была операция, и не очень удачная. Сейчас нужна еще одна, в самое ближайшее время, и мой отец готов ее оплатить. Поэтому, скорее всего, я все же решусь на фиктивный брак. Но, Андрей, проблема не в том, чтобы найти мужа.

– А в чем?

– Наличие обоих родителей – это главное условие усыновления, не считая материальную поддержку. Суд по опеке считает, что этому ребенку нужна полноценная семья. Мать и отец. Я не могу доверить эту роль первому встречному человеку. Тому, на кого не смогу положиться. Андрюшка и так пережил сверх меры для своих пяти лет. Он год молчал и только-только начал снова разговаривать. Я хочу быть уверена, что со мной его ждет спокойная жизнь.

– Значит, мне ты доверяешь?

Я смотрю на Андрея, на его плотно сомкнутый рот и на

покрытые темной щетиной скулы. Сейчас за черный взгляд не заглянуть и не угадать мысли. Смотрю на практически незнакомца, потому что таким я его не знаю.

И все-таки говорю искренне. То, что чувствую:

– Да, ты его не обидишь. И меня тоже.

– Как ты себе это представляешь, Света? Если я правильно понял, ты предлагаешь мне стать не только твоим фиктивным мужем, но и приемным отцом? То есть взять на себя обязательства и в отношении ребенка?

– Нет, что ты! – спешу возразить, но тут же понимаю: он прав. Это просто я до конца не верила в затею Рыжего. – Точнее, да. Но, Андрей, только на бумаге! Я обещаю, что никто об этом не узнает. Кому и какое дело до нас? Как только я заберу Андрюшку, я не побеспокою тебя. Совсем! Если надо, вернусь на работу к отцу. Ты знаешь моих родителей, они обеспеченные люди и не откажутся помочь с отдельным жильем!

Волнение вот-вот готово взять надо мной верх, и я замираю на короткую паузу.

– Я усыновлю мальчика, найду квартиру, чтобы близко и удобно, чтобы садик и школа, и чтобы опека видела. Постараюсь убедить последнюю в том, что ты живешь с нами. Если согласишься, обещаю не вмешиваться в твою жизнь и не тревожить, как не тревожила до сих пор. Ты волен жить, как жил! Быть свободным и любить кого хочешь. Твое участие необходимо на этапе усыновления. А через год или два раз-

ведемся, тогда Андрюшка уже будет со мной. А когда он подрастет, я все ему объясню. Он очень понятливый, только тихий.

– Расскажи мне о нем, я хочу знать подробности. Обо всем расскажи.

И я рассказала.

Мы еще долго сидели вдвоем, а позже гуляли по скверу. А потом...

– Я не тороплю с ответом, Андрей. Подумай о моем предложении наедине. Столько дней, сколько тебе понадобится. Возможно, об условиях. Я готова принять любые, и буду очень ждать твоего звонка, но если откажешься – пойму. Ты выслушал, а это уже много значит для меня.

* * *

Но проходит всего ночь, а я уже не нахожу себе места. Вспоминаю разговор в кафе и встрепанную фигуру Шибужева. Черный взгляд и длинные пальцы хирурга, растерянно отводящие со лба темные пряди волос.

Мысленно ругаю себя и Рыжего. Опеку. И вновь себя. А что, если он откажется? Не позвонит? Да, в прошлом мы слыли шутниками, отвязными подростками, но вчерашний разговор и близко не походил на шутку.

Андрюшка, словно чувствуя мои переживания, поглядывал с осторожным интересом. Долго не отпускал руку, когда

пришло время прощаться.

– Не уходи.

– Я обязательно вернусь, солнышко. Ты же знаешь. Вернусь!

Детские руки на шее удерживают крепче любых цепей.

Ему не стоит бояться, мне уже никуда не уйти. И все же я не бросаю обещаний, не говорю ребенку, что заберу его навсегда. Новую жизнь нужно начинать с поступков.

Когда Шибуев позвонил – в трубку не дышала, так боялась услышать ответ. Прошел день, всего лишь день...

– Привет.

– Здравствуй, Андрей. Ты...

– Я согласен, Уфимцева.

– Правда?! – не сдержалась. – Спасибо!

– Но у меня есть условие.

– Какое? Ты хочешь расписку?

– Нет. Независимо от того, фиктивный у нас брак или нет, ты возьмешь мою фамилию.

– Но... зачем, Андрей? – сказать, что я удивлена – значит, ничего не сказать. Однако обещание есть обещание, и я об этом помню.

– Света, это не обсуждается. Пусть это будет моей прихотью. Не думаю, что когда-нибудь еще решусь на подобный шаг, так что считай, во мне выиграло мужское. Я сам удивлен, если хочешь знать, но оказалось, что для меня это принципиально важно.

– Хорошо, я согласна.

– Ну и как мы все это оформим? Не представляю. Что от меня требуется? Ресторан? Будут гости на свадьбе? Свидетели? Может, Рыжего с Таней позовем? Люковых?

– Да ты что, Шибуев! – я улыбаюсь. Вдруг становится легко дышать, но руки дрожат и ладони взмокли. Я слышу в голосе Андрея знакомые нотки обаятельного шалопая, и волнение отпускает. – Нет, только мы с тобой. Я сама договорюсь насчет ЗАГСа и росписи, и сообщу тебе.

– Когда ты планируешь событие?

– В самом ближайшем будущем. Пока ты не передумал! У тебя есть приличный костюм и туфли?

– Обижаешь, Светка, – ворчит Андрей. – У меня найдутся даже приличные боксеры и галстук.

– Отлично! А больше ничего и не нужно.

– Ни музыкантов, ни колец, ни цветов? Что, даже завальщенького подарка для невесты?

Он неисправим! Таким я его знаю и люблю.

– Даже подарка, Андрей. Ты же не в самом деле на мне жениться собрался, Шибуев? Распишемся, и все.

* * *

Он все-таки приносит цветы – красивый и нежный букет. Со вкусом у Шибуева всегда было все в порядке, в отличие от внешнего вида разгильдяя. Да и к девчонкам подкатить –

это его хлебом не корми. Так что цветам я не удивляюсь, он и в школе был котом. Не помню такого, чтобы хоть одна не попалась на крючок обаятельной улыбки и черных глаз отличника, которого едва не выгнали из школы за плохое поведение.

Но сегодня Андрей выглядит безупречно. Серый костюм отлично сидит на широких плечах, скулы гладко выбриты, рубашка белоснежная и галстук в тон. А еще он подстригся.

Определенно, у меня будет красивый фиктивный муж.

Он замечает мой красный «ниссан», припаркованный на стоянке у ЗАГСа, и я выхожу навстречу.

Напрасно переживала. Когда он целует меня в щеку, я не чувствую неловкости от момента. Разве что в наших улыбках присутствует растерянность и неверие, словно мы вновь оказались в школе и затеваем какую-то веселую шутку, которая еще удивит нас обоих.

– Прекрасно выглядишь, Света. М-м, а как пахнешь!

– Спасибо, Андрей. Мне хотелось, чтобы хотя бы в этот день ты не пожалел о своем решении. Шибуев, неужели ты по-прежнему едешь на такси? – удивляюсь, потому что уже было кафе, и вот опять.

В школе Андрея не интересовали ни машины, ни мотоциклы. В старших классах, когда мы компанией гоняли за город, он всегда к кому-нибудь пристраивался.

Тогда это было темой для шуток – наших парней интересовали красивые девчонки и дорогие тачки. Шибуева же –

только первое. Мы учились в элитной школе, у всех были обеспеченные родители, и отец Шибуева, профессор и светило медицины, не был исключением. Но приезжал на родительские собрания исключительно на такси.

А теперь вот его сын.

– Не всегда. В автобусах тоже езжу, иногда на велосипеде. Не люблю водить. И железяки не люблю, зная, что они способны сделать с людьми. Мне и так неплохо, веришь?

Я улыбаюсь, прижимая к себе букет из белых роз и нежно-розовых пионов.

– Верю! – беру молодого мужчину под руку. – Но учту на будущее, что тебя лучше забирать самой. Ты опоздал на минуту, я уж было подумала, что не придешь.

Красивый зал регистрации, вежливые сотрудницы и тихая музыка. Стандартная речь-поздравление. Мы стоим рядом, оставляем подписи в журнале регистрации семейных пар, и моя рука легко находит руку Андрея. Я поворачиваюсь и под взглядом нарядной сотрудницы ЗАГСа, желающей нам долгой и счастливой жизни, касаюсь губами его губ. Не с любовью, но с теплой благодарностью. Обнимаю, и следующий поцелуй оставляю на щеке. Если это и кажется девушке странным, то виду она не подает.

– Спасибо, Андрей! Я никогда этого не забуду! Ты самый лучший друг!

– Света, кажется, нам следует это как-то отметить, – предлагает Шибуев, когда мы наконец выходим на улицу и снова

оказываемся одни лицом к лицу. – Черт, поверить не могу, что женат. Странные ощущения.

– Я постараюсь, чтобы эти ощущения тебе не сильно мешали в личной жизни. Мои родители в курсе, но они все понимают и тоже благодарны тебе. Это ненадолго, Андрей. Я не стану тебя держать.

– Свет?

– Что?

– Не надо повторять, я понял. Так, может, все-таки в ресторан? Посидим, вспомним школу? А машину завтра забережь, а?

Я размышляю, как поступить. Просто разойтись в две стороны действительно как-то неправильно (ну не чужие же мы друг другу люди!), и он обнимает меня за плечи.

– Ну, Светка, соглашайся. В конце концов, из-за нашей свадьбы я на сутки с работы отпросился, и ты моя должница. И вообще, если бы ты знала, скольких соперниц сегодня обскакала, ты бы меня сама в ресторан пригласила – отметить свою удачу!

Ох, котяра.

Но настроение радостное, черные глаза горят, и я смеюсь, шлепнув его по груди.

– Скорее, от скольких спасла! Шибуев, я знаю тебя, как облупленного! Не набивай себе цену. Ну хорошо, – соглашаюсь, – идем. Но чур, ты пригласишь меня танцевать!

Ресторан дорогой, обслуживание чудесное, приятная музыка, тихий смех Шибуева, и голова от вина хмелеет незаметно.

– Ты помнишь, Светка, как мы с Артемьевым в седьмом классе поспорили, можно ли спойть водкой мадагаскарского таракана и будут ли у него шевелиться усы? В кабинете биологии тогда жили два экземпляра в террариуме – Чук и Гек. Потом их, в конце концов, кто-то выкинул.

– Конечно, помню. Водку вы тогда принесли, и мы все побежали смотреть. Но в последний момент вы оба сдрейфили. Тоже мне, натуралисты-естествоиспытатели. Испугались каких-то жучков!

– Мы с Рыжим – да. Но не ты! Я тебя тогда зауважал. Особенно после того, как биологичка обнаружила Чука и Гека бухих на своем столе.

– Зато теперь мы знаем, что у них не только усы шевелятся, но и лапки.

– А в восьмом классе ты в учительской подменила золотую рыбку на двух хищных пираний. У директора тогда чуть инфаркт не случился!

– Это у моей мамы чуть инфаркт не случился. Она привезла рыбок с какой-то чудо-выставки, и были они жутко дорогие. Хорошо хоть не сдохли.

Мы с Шибуевым от души смеемся, вспоминая школьные годы и юных себя.

– Ты была настоящей оторвой, Светка, но мы тобой гордились.

– Я была глупой и бесстрашной, это правда. Когда-то была, Андрей, – смотрю нежно на друга, – но не сегодня.

Мы решаем выпить за общее прошлое и пригубляем вино.

– Знаешь, в школе я был уверен, что однажды вы с Рыжим будете вместе. Тогда ты мне нравилась, и я тебя ревновал. Вы сидели вместе и постоянно цапались.

– Я и Витька?! – я так удивлена, что отмахиваюсь от этой мысли. – Да ты что! Не-ет! Мы даже не целовались ни разу. Я, конечно, Артемьева люблю, но как брата, и только! Да и разве можно его не любить?

– И все же? Почему?

– Это не та степень близости, и никогда той не была. Не спорю, нам вместе интересно, но тесно. А потом, он меня боялся. Только я тебе об этом не говорила!

– Ну да, твой язычок всегда был острее, чем у других. Из всех наших только ты и могла над Рыжим постебаться по-настоящему. Свет?

– Да?

– Идём потанцуем? Все-таки у нас свадьба. Давай запомним этот день.

Я легко отмахиваюсь: хмель уже кружит голову.

– Ой, у тебя этих свадеб еще будет. Не переживай! Обе-

щаю прислать подарки!

– Вряд ли у меня когда-нибудь будет такая же красивая невеста.

Я качаю головой, позволяя ему подлить в мой бокал еще вина.

– Ну и льстец ты, Андрей. И на что это ты, интересно, уставился? – подозрительно щурюсь. – Я думала, ты говорил о моих глазах!

– Никогда не мог равнодушно смотреть на твою грудь, Светка, – Андрей придвигается ближе. – Еще лет с четырнадцати. А как нужно было сказать? Какое симпатичное у моей фиктивной жены платье и все, что под ним?!

– Ох, Шибуев. И правда, пойдем лучше потанцуем, пока ты не брякнул что-нибудь совсем уж ужасное!

Мы танцуем, смеемся, а вечер все продолжается и продолжается. Так приятно оказаться в компании старого друга, вспомнить прошлое... а еще чувствовать на себе мужские руки. То, как они касаются голой спины в вырезе платья, как сжимаются на талии. Они все смелее, или мне только так кажется? Почему я не противлюсь, а льну к ним? К таким горячим и неторопливым, словно мне нравится их тепло?

Станный и необычный вечер, и как же хочется себя отпустить.

– Свет, поехали ко мне, я покажу тебе свою квартиру. Должна же моя жена знать, где живет ее муж в те редкие дни, когда сбегает от родителей.

– Как, Шибуев, неужели ты тоже живешь с родителями?
Ты – вольный кот?

– Я единственный сын, а моя мама потрясающе готовит. О, нет, я не готов уйти из рая, дорогая. Мое удовольствие никогда не выходит за границы моей свободы, и я никогда не остаюсь на чужой территории.

Мы едем в такси, и свет от фонарей отбрасывает в салон длинные тени. В полутьме взгляд Шибуева, как неостывший жженный сахар, обжигает из-под полуприкрытых век, а лицо так близко. Темная голова вдруг склоняется, и губы касаются шеи.

На миг я задыхаюсь от острых ощущений, закрыв глаза. Сжимаю пальцами сильные плечи.

– Ш-шибуев, прекрати.

– Светка-а... – хриплый шепот бежит по коже, проходит электричеством по возбужденным нервам и ударяет в нутро. Стягивает жилы в животе. – Никто не узнает. Мы никому не расскажем. Я хочу тебя, Светка.

Я пьяна и сошла с ума. Совершенно точно сошла.

Но я живая, и внутри меня полыхает пламя.

Наши губы встречаются, и я отвечаю на поцелуй.

Шибуев огонь, теперь я знаю.

Пробуждение приходит неспешное. Сытому и нагому телу тепло и уютно, между ног приятно покалывает возбуждение. Это тело соскучилось по близости, я еще не проснулась, а уже слышу собственный стон удовольствия в ответ на ласку руки и пробравшиеся в меня пальцы. Они берут, скользят во влажности, и в ответ на их движения я подаюсь навстречу.

Сколько же раз я кончила за эту длинную ночь? Не помню. Но желание не угасло, с приходом дня оно разгорается вновь, и вот уже бедра раскрываются, и сбивается дыхание.

Я открываю глаза и вижу темную голову Шибуева, склонившуюся к моей груди. Он проводит горячим языком по напряженному соску, спускается ниже, облизывая меня, как кот сметану. Приподнимается на руках, приготовившись накрыть собой.

Отличное пробуждение, ничего не скажешь!

– Андрей, стой!

– Что?

Я отталкиваю его в плечи и сажусь в постели, прикрывшись одеялом. Господи, это действительно случилось!

– Ты с ума сошел? Что ты делаешь? – говорю почти с ужасом. – Ладно, вчера мы с тобой оба напились в дым и не понимали, что делаем, но сейчас-то пора очнуться!

Шибуев протягивает руку и пытается спустить одеяло с

моей груди. Я не позволяю ему это сделать, и он удивляется.

– Почему не понимали? Я отлично все понимал. Светка, ну чего ты? – бормочет, притягивая меня к себе. – Иди сюда, Сахарочек. Я точно знаю, что тебе понравилось.

– Шibuев, прекрати! – я закрываю глаза и выдыхаю. – Андрей, пожалуйста, – прошу, упираясь ладонью в крепкую грудь, – дай мне сказать.

– Хорошо, даю.

Он ложится на спину, закидывает руки за голову и смотрит на меня с ленивой улыбкой, и не думая скрывать свое возбуждение. Приходится бросить на его бедра подушку, и решительно стереть из памяти воспоминание, как я сидела на этих бедрах сверху, постанывая от удовольствия.

– Уй! Садистка!

– Можешь не красоваться. Поверь мне, я уже все оценила, – выдыхаю, на миг коснувшись рукой виска. – Да, мне понравилось, ты хороший любовник, но мы должны признать, что совершили ошибку, и все забыть. Черт, Шibuев, – не выдерживаю, все еще не в силах поверить, – чем мы с тобой вообще думали?! Как это могло произойти?!

Но кажется, поражена случившимся только я.

– Свет, да ладно тебе, – Шibuев поворачивается на бок и подпирает голову рукой. – Можно подумать, что ты переспала с первым встречным.

– Да в том-то и дело, что лучше бы с первым встречным! Ты мне нужен, понимаешь? Ты, Андрей! Как друг, как близ-

кий человек, а не как спарринг-партнер в постели. Я не должна была этого допустить. Ведь я как никто тебя знаю!

– Не вижу, как одно мешает другому. К тому же, Светка, для здоровья женщины секс полезен, это я тебе как врач говорю. И если мы еще пару раз повторим, я не перестану быть тебе другом.

– О-ох, ты не меняешься. – Я торопливо отворачиваюсь и спускаю ноги с кровати. Дергаю на себя одеяло. – Ладно, мы уже не дети, чтобы жалеть о совершенном. Что случилось, то случилось, но увязать в болоте подобных отношений я не хочу. Это не мое. Надеюсь, Андрей, ты меня понимаешь. Иначе я не была бы два года одна. А сейчас отвернись, пожалуйста, мне нужно одеться.

– Шибueva, между прочим, я твой муж, – не совсем к месту упоминает Андрей. – Вроде как! И ночью ты меня не стеснялась.

Он не отдает одеяло, и мне приходится укутаться в отброшенное в сторону покрывало. Я встаю и закрываю грудь. Но плечи все еще голые, и горят под черным взглядом.

– Вот именно, что вроде как, – говорю в сердцах.

Шибуев вслед за мной садится на край кровати. Смотрит с грустью, наклонив голову.

Не удержавшись, я протягиваю руку и глажу его по щеке. Склонившись, касаюсь поцелуем губ. В конце концов, ночь нашей близости – моя вина, и я это понимаю.

– Андрей, ты мне друг, и я тебя люблю. Но если у меня

будет муж такой же бабник, как ты, я или возненавижу его, или сама повешусь. Моя гордость собственницы этого не перенесет. Тебе тоже не нужны проблемы. Давай просто забудем, хорошо? Представим, что все это нам приснилось. Вино иногда и не таким фантазиям способствует.

Сказала, а у самой щеки вспыхнули от воспоминаний. С другом такого не вытворяют. Вот разве что во сне.

– Как скажешь, Света. Хотя, знаешь, такое сложно забыть. Я и сейчас тебя хочу.

Он говорит это, оставаясь серьезен в лице, но ловит мое запястье и притягивает к себе. Обнимает рукой под ягодицами.

– Сахарочек, мы обязательно все забудем, обещаю, – сладко шепчет. – Потом. А сейчас я еще разочек хочу с тобой уснуть. М-м, Светка-а...

Пальцы у Шибуева – длинные и чуткие пальцы хирурга. Такие умеют ласкать и говорить с телом особым языком, пробуждающим в нем жизнь. Они забираются под покрывало и ползут по ноге. Касаются самых интимных мест. Их напору так трудно устоять, и я чувствую, как горячая волна возбуждения затапливает меня с головой.

– Пожалуйста, Андрей, отпусти. Мы не должны...

– Не могу.

Мы уже не пьяны, и когда он входит в меня, я обещаю себе, что это в последний раз.

POV Андрей

– Здравствуй, сынок! Ну, как все прошло? Как свадьба? Отшумела?

Я захожу в свой дом – в дом моих родителей, разуваясь, сбрасываю с плеч пиджак и нахожу мать на кухне. Она сидит у стола, закинув ноги на соседний стул, и что-то печатает в ноутбуке. Повернув голову, бросает на меня короткий взгляд из-за очков и снова возвращается к работе.

Для родителей я был на свадьбе друга. Чем не версия?

– Отлично, ма. Невеста была просто красавица. Так и хотелось съесть!

Я целую мать в щеку, и на этот раз она грозит пальцем:

– Но-но! Смотри мне, Андрей, не натвори дел! Ох, – вздыхает, – поскорее бы ты уже и сам женился. Мы с отцом не молоды, внуков хочется. Вот Аллочка, чудесная же девушка, и так тебе подходит. И умница, и красавица, и врач, что немало важно! – делает ударение на последнем слове. – А фигура какая! Я уже молчу о том, как хорошо ее семья к тебе относится.

Я сажусь на стул и откидываю плечи на высокую спинку. Расстегиваю рубашку на груди.

– Не начинай опять, ма.

– Но ты же ничего не хочешь слышать! – возражает мать.

– Не хочу. Меня не впечатляют скучные сухопарые девственницы. Я люблю жизнь.

– Господи, Андрей! – восклицает родительница. – И в кого ты у нас такой?

– Какой?

– Обормот!

– Ну спасибо, родная, – я смеюсь, глядя на мать. Она тоже улыбается, но ей не все нравится, и я вижу грусть в ее глазах.

– Боже мой, сын! Что у тебя на шее? Ты на свадьбе у друга был, или в доме терпимости? Как завтра на работу-то пойдешь, гуляка? Ну сколько это может продолжаться? Хоть бы нас с отцом постеснялся!

– А что там? – я провожу ладонью по шее и выше, чувствуя на подбородке колючую щетину.

Но мать только отмахивается.

– Потом посмотришь. Есть будешь?

– Буду.

– Так я и думала. – Она закрывает ноутбук и встает. Качает недовольно головой. – Голоден, значит. Наверняка с какой-нибудь свиристелкой со свадьбы слинял, да? Ох, Андрей, Андрей...

Позже, уже в своей комнате, я достаю из кармана брюк бумажник, и вместе с ним на пол падает нетронутая пачка презервативов.

Я поднимаю ее и задумчиво верчу в пальцах, рассматривая с долей удивления. Со Светкой даже в голову не при-

шло их использовать. Не вспомнил. Почему? Неужели всему причиной ее признание?

Но ведь с другими меня останавливали иные факторы. Я врач, и не могу о них не помнить.

Однако Уфимцева ощущалась, как чистый кайф, которым хотелось упиться, а корни желания уходили слишком глубоко, чтобы от него отказаться.

Мы оба были пьяны, это так. Но понимал ли я сам до конца, чем для нас двоих может закончиться вечер? Чего добиваюсь, когда давал волю рукам? Когда соблазнял тихим шепотом. Понимал ли, что готов шагнуть за границу дружбы?

Да, понимал. От того и пробуждение не показалось ошибкой. Мне хотелось Светку с первой встречи – вот что было правдой.

Я всегда любил женщин, а Уфимцева еще в школе обещала стать лучшей из них. О ней были первые подростковые фантазии, первая ревность и первая досада, что вновь и вновь выбирала не меня. О ней думал вчера, когда стояла близко, когда смеялась и обнимала, лаская голубым взглядом. Желание просто затмило голову.

И сейчас, после нашей общей ночи, я все еще не могу отпустить ее из памяти.

Я убираю презервативы в ящик комода, раздеваюсь и направляюсь в душ. Но мысли не уходят, и при воспоминании о голой Светке, кончающей подо мной, тело вновь наливается

желанием и напрягаются бедра. Если бы она не ушла, мы бы на многое решились. В моей жизни были женщины, которых я легко забывал, были те, к кому возвращался. Уфимцеву я не мог отпустить сам. Даже из мыслей.

Моя жена, надо же. У меня теперь есть жена, и ее темперамент мне полностью по душе. От ее тела можно свихнуться. С ней можно посмеяться и поговорить.

Я наклоняюсь к зеркалу и вижу на шее след от ее губ, а на плече царапины от зубов. Мы оба слетели с катушек. Не понимаю, почему друзья не могут быть любовниками. Ведь ей определенно понравилось.

Нам обоим понравилось. Мы могли бы повторить это еще много раз, но...

Друг. Она нуждается во мне, как в друге. Че-ерт.

А я люблю баб. Да, твою мать, я люблю баб, а они любят меня!

Нет, Светка не настолько циник, чтобы закрыть на это глаза. Да и наш уговор был о другом.

Я вздыхаю и отворачиваюсь. Она права, нам лучше остаться друзьями и все забыть.

Друзьями, у которых случилась первая брачная ночь.

Что ж, бывает.

* * *

– Андрей Павлович, что мне сказать Кравцову из шестой

палаты? Он уже полчаса ждет под перевязочной. Жалуется на боли в области паха и на то, что его беспокоит дренаж. Это больной Гарькушина.

Я возвращаюсь в свой кабинет после осмотра послеоперационных больных, когда меня на пороге окликает медсестра.

– Температура есть?

– Тридцать семь и семь. Андрей Павлович, если честно, он неважно выглядит.

– А этот Кравцов в курсе, что Сергей Витальевич на работе?

– Конечно, но он хочет только вас.

– Анна Ивановна, мы здесь не девицы на выбор. Есть внутренний вопрос врачебной этики, вам ли не знать.

– Да я-то знаю! Но этот Кравцов грозит написать жалобу главврачу и в Здравнадзор! Он какой-то там районный депутат. Стала бы я вас беспокоить!

– Хорошо, я посмотрю его, но мне нужна история болезни, анализы и снимки. И пока ни слова Гарькушину. Если понадобится, я с Сергеем Витальевичем сам поговорю.

– Андрей Павлович! У нас экстренная – двойное ножевое ранение в брюшную полость! Срочно в операционный блок!

– Как ты, Андрей? Устал?

Операция закончена, я снимаю маску, перчатки и споласкиваю руки в хирургическом умывальнике. Операция длилась три часа – мы все устали.

Рита стоит рядом и смотрит с интересом. Больного только

что увезли в реанимационную палату, можно и расслабиться.

– Есть немного. Слава богу, конец рабочей смены. Сейчас домой.

– Как прошли выходные? Судя по тому, что ты меня второй день не замечаешь – хорошо?

Я замираю на мгновение, а затем пожимаю плечами.

– Да, отлично.

– Ну и кто она? Еще одна твоя победа, а? Доктор Шибуев?

Бровь приподнимается, и я поворачиваю голову к молодой женщине. Улыбаюсь краем рта, удивившись собственному ответу.

– Скорее уж поражение.

Рита замечает недвусмысленные следы на моей шее и с обиженным смешком сторонится.

– Что-то не похоже. И сколько лет твоему поражению? Восемнадцать-то хоть есть? Что она у тебя такая несдержанная!

– Не переживай, есть.

– И что, неужели зацепило, Андрюш?

– Как всегда. Прямо в сердце.

Рита смеется. Ну да, ей ли меня не знать.

– Так я тебе и поверила! – снова подступает ближе, задев бедром. Обещает игриво: – Ничего, придет время, и ты снова будешь мой. Я дождусь.

Она говорит это уверенно, и у меня чуть не срывается признание, что я женат.

Удивление удастся скрыть, плеснув воду в лицо. Я выти-

раю руки бумажной салфеткой и бросаю ее в ведро. Оборачиваюсь, чтобы уйти.

– Ритуля, лучше проверь еще раз операционную и иди домой.

* * *

Ворота в детский дом закрыты. Высокий кирпичный забор скрывает от любопытных глаз внутренний двор, но я слышу из-за забора голоса детей и собачий лай. Нажимаю на кнопку домофона в надежде, что мне кто-нибудь, да ответит.

Отвечают не сразу, но динамик все же оживает:

– Здравствуйте. Вы что-то хотели, молодой человек? Это территория детского дома.

Ясно. Значит, здесь есть видеокамера. Я нахожу ее взглядом и улыбаюсь.

– Да, хотел. Мне нужна Светлана Шибуева – ваш сотрудник. Я могу ее увидеть?

Черт, я наверняка наглею, называя свою фамилию, однако у меня есть причины злиться. И пусть эта злость неявная... Я почему-то оказался не готов к тому, что за неделю с момента нашего расставания Светка ни разу мне не позвонит.

– Простите, но в нашем рабочем штате нет сотрудника с такой фамилией. Вы ошиблись.

– А я уверен, что есть, – настойчиво возражаю. – Отсюда мне хорошо видна ее машина. Возможно, вам фамилия

Уфимцева о чем-нибудь скажет?

Мне не отвечают, но через минуту дверь в воротах все же открывается, и в просвете появляется немолодая женщина. Окидывает меня строгим взглядом.

– Возможно, и скажет. Но прежде могу я поинтересоваться, кто вы такой? И по какому вопросу хотите увидеть Светлану?

С признанием не возникает проблем, и это даже не кажется странным.

– Можете. Я ее муж. А увидеть хочу по личному вопросу.

В женщине борются два чувства – человеческое любопытство и профессионализм. Но, в конце концов, она разрешает мне войти.

* * *

– Наташа, это замечательно, что ты все-таки решилась написать письмо старшему брату и рассказать ему о своих успехах. Я уверена, для него это очень важно – получить весточку от младшей сестренки. Узнать, что у тебя все хорошо, что ты учишься и помнишь о нем. И рисунок твой мне нравится – какой красивый дом! Конечно, я с удовольствием помогу тебе отправить письмо, но ты вовсе не обязана его мне показывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.